

**Готовчиков Николай Александрович, 1936 г.р., с. Починичи
Смоленской области.**

Собиратели: Т.Ч. – Татьяна Алексеевна Чайка
Е.К. – Евгения Косьяненко
Респондент: Н.Г. – Готовчиков Николай Александрович
Продолжительность интервью: 1 час 30 мин.

Итак, сегодня, 6 августа 2006 года, я, Татьяна Чайка и Евгения Косьяненко интервьюируем Николая Александровича Готовчикова в с. Восход Красногвардейского района в Крыму в Украине. Интервью проходит на русском языке.

Т.Ч. Представьтесь, пожалуйста, расскажите сами о том, как Вас зовут, фамилия.
Н.Г. Фамилия моя Готовчиков Николай Александрович. Я учитель русского языка, литературы и истории Восходненской средней школы. Живу здесь уже 50 лет, можно сказать. И одновременно директор нашего народного музея. Музей называется Ордена Ленина колхоза «Россия».

Т.Ч. Автор книг...

Н.Г. А, ну да, я член Союза журналистов Украины и Советского Союза, писателей, есть у меня книги, сотни публикаций в разных журналах и газетах СССР, Украины, Белоруссии, в Болгарии есть несколько публикаций.

Т.Ч. И основной Ваш исследовательский интерес?..

Н.Г. Ну... Если говорить интерес, когда я работал 17 лет почти директором школы. Поэтому основные публикации были посвящены методическим проблемам, психологическим вопросам жизни школы. Ну, а вот, если говорить... последние годы, когда ... больше публицистика все равно касается проблем народного образования. Жизни села, жизни после реформенного села особенно. Ну и, кроме того, конечно, меня какие-то проблемы интересуют литературоведческие, поскольку у меня есть публикации, стихи и проза, то я изредка публикуюсь вот в нашем «Литературном Крыму». Там есть публикации, ну, к примеру, «Валерий Брюсов и Крым». Страничка такая, не очень известная в литературоведении. Ну и так далее. То есть спектр моей ... таких вот интересов авторских, можно сказать... многообразный.

Т.Ч. Николай Александрович, в каком году Вы родились?

Н.Г. Я родился в 1936 году. То есть мне уже 70 скоро. Вот.

Т.Ч. Где?

Н.Г. Родился я в Смоленской области с. Починичи. Очень интересное село. Рядом, буквально в 7 км, Петровичи – еврейское местечко. Там очень много знакомых. Между прочим, из этого местечка родом Айзек Азимов, знаменитый фантаст американский. И там родился знаменитый наш авиаконструктор Лавочкин из этого села. Между прочим. В годы войны я очень хорошо помню... трагические были вот странички в моей жизни. Я сейчас работаю над повестью об этом периоде и там я, кстати, видел своими глазами последствия еврейского погрома.

Т.Ч. Погрома, которого?..

Н.Г. Погрома, которое учинили полицаи, в основном, в местечке Петровичи, это Смоленская область.

Т.Ч. Это в военное время?

Н.Г. Да. Это было в годы оккупации. Это было 41-43 года

Т.Ч. Это были погромы с расстрелами или?..

Н.Г. Да-да. Все это я видел и у меня есть повесть. Вот сейчас я договорился с Гендиным, обещал напечатать эту главу.

Т.Ч. Сколько лет Вам было тогда?

Н.Г. Ну, мне сложно посчитать. Мне было где-то 5-6 лет, семь... В 43 году я пошел в первый класс. Поэтому я очень отчетливо помню все, буквально почти фотографически помню.

Т.Ч. Что именно Вы помните?

Н.Г. Все. Помню все. Помню и начало войны, помню и оккупацию, очень хорошо помню. И расстрел. Кстати, мой дядя Степан был женат на еврейской девушке. Сара ее звали. Вот. Трагическая судьба, вот... Ну, это не буду рассказывать сейчас. Одним словом, я хорошо помню все буквально с 41 года по 45.

Т.Ч. Скажите, а расстрелы были на Ваших глазах, Вы видели?

Н.Г. Видел, да, видел. Нам сказали. Что был в Петровичах погром. Мы туда, мальчишки, тайком от матерей бегали. И видел там знакомых своих ребят, взрослых.

Т.Ч. Уже убитых?

Н.Г. Убитыми. Улицы были... вот... Мне очень потом, когда я познакомился с книгой «Как закалялась сталь» и там есть описания петлюровского разгрома... там Северный Бружак, Павка Корчагин... Точно такая же картина, она и сейчас перед глазами. Пух от разорванных перин на заборах, на деревьях. Потом я видел вот эти разорванные клочки Библии вот на древнееврейском языке. Правда, я тогда не знал, что это древнееврейский язык. Но вообще это помню отчетливо. Самое главное. Помню трупы, которые еще не были убраны, потому что... Тогда во время этого разгрома, потом я уже узнал, было убито более 30 человек.

Т.Ч. Николай Александрович, скажите, а вот тогда Вы кому-то задавали вопросы? Стали задавать вопросы, которые бы вам это как-то объясняли или это не требовало объяснений?

Н.Г. Ну это было такое, во-первых, детство ранее. Конечно, спрашивал у матери и других. Мы жили очень в глухом страшно селении, туда свет пришел только в 67 году. Поэтому это было страшно забитое село. Конечно, где-то там спрашивали, интересовались, но на эту тему нам обычно взрослые не разъясняли.

Т.Ч. Расскажите чуточку о своих родителях. Кто они?

Н.Г. Родители? Мама моя жива, ей сейчас 95-ый год пошел. Она малограмотная, закончила 2 класса.

Т.Ч. Как зовут маму?

Н.Г. Зовут ее Антонина Сидоровна, вообще-то Антося. Я матери моей... Она родилась в Кракове, в года Первой Мировой войны они переехали сюда в Россию, то есть в Смоленск, западную область, большой многодетной семьей. Мой дед был латыш.

Т.Ч. Это по маме?

Н.Г. По маме. Да.

Т.Ч. Как их фамилия?

Т.Ч. Это по маме?

Н.Г. По маме. Да.

Т.Ч. Как их фамилия?

Н.Г. Фамилия была Ненарты. Ненарты. Кстати, это мой литературный псевдоним –

Ненарты, вот. И жили в ужасной нищете многодетные семьи. Мама с девочкой пошла служить, нянчить детей. Кстати, вот там и у местного попа была, и в других семьях. Маму всю жизнь проработала. Замечательная она, труженица. До 70 лет она работала в колхозе «Россия». Награждена. Я написал ей одно маленькое стихотворение, если можно, я прочту, да?

Т.Ч. Конечно, конечно.

Н.Г. А матери восьмидесятый, но все как прежде, в семь утра

Седоголовые девчата ей машут сапками: пора!

Еще в руках сноровка та же и пайка, как у молодых.

«Сидела б дома, - кто-то скажет, - да внуков нянчила б своих».

И мы о том же. Мать сердита: «Мы все успеем отдохнуть».

И что-то сеет через сито, вот в этом смысл ее и суть.

И мы, солидные, седые спешим шагнуть к ней на порог,

Чтоб слушать истины святые, как на урок.

Мать потеряла после реформирования ... У нее на книжке было 80 тыс. рублей.

Т.Ч. Собранные для детей?

Н.Г. Нет. Не то, что для детей. Колхоз был такой, богатый, заработки были высокие. У нас... мы три брата. Мы были самостоятельные люди, не нуждались в какой-то поддержке. Просто на черный день.

Т.Ч. Но 80 тысяч – это невероятно большие деньги были. Впервые слышу, чтоб...

Н.Г. Да нет, здесь кругом так было. Отец, он тоже кузнец, 3-4 класса образования у него, фронтовик, прошел войну от Москвы, участник парада вот 7 ноября 41 года на Красной площади. Дошел до Берлина, вернулся раненый. Но после войны был кузнецом. На фронте он был водителем. Вот. И до самой глубокой старости был активным человеком.

Т.Ч. Он – Александр...

Н.Г. Иванович. Хотя есть у него... у нас есть одна такая тут “нісенітниця”, як кажуть на Україні. Он был очень в документах такой невнимательный, потому у него в документах и Александр Иванович, и Серафимович.

Т.Ч. Интересно, а почему именно Серафим?

Н.Г. Ну... Серафим – старинное имя. Я потом уже докапывался. В самом деле надо было ему Серафимом быть. Но ничего не поделаешь. Так что умер он..

Т.Ч. Имя Серафим ему, наверное, при крещении дали.

Н.Г. Да. Он умер 87 лет ему было. Вот.

Т.Ч. Очень интересно.

Н.Г. Тоже всю жизнь работал в колхозе, много потерял тоже денег, как и мама.

Т. Ч. Вы сказали, что в 43 году пошли в школу. Это было еще в Смоленске?

Н.Г. Да, в Смоленске. Наша семья переехала в 51 году сюда.

Т.Ч. Сюда? И Вы успели к тому времени закончить школу?

Н.Г. Я? Да. Дело в том, что действительно закончил семилетнюю школу тогда. У нас там маленькая была семилетняя школа, Почининская семилетняя школа. Это Смоленская область.

Т.Ч. В 50-ом году?

Н.Г. Это было в 50-ом году, совершенно верно. И хотя я учился отлично, то есть на пятерки с похвальной грамотой, но я выбирал не то, к чему душа тянула. Я и в детстве там стишки писал всякие. Нравилась мне и учительская работа, такая вот работа. Но выбрал просто техникум, где можно было выжить. И поэтому я смотрел по списку куда. И нашел

Лисичанский горный техникум. Первое: стипендия на первом курсе - 285, на четвертом – 390. Ну, я думал, что буду учиться отлично на 25% стипендия хорошая, форму шили, льготы были в столовой, поэтому я выбрал туда и поступил туда и 4 года был в Лисичанском горном техникуме.

Т.Ч. Значит, с 50-го по?..

Н.Г. С 50-го по 54-ый. У меня профессия: горный техник подземной разработки угольных месторождений.

Т.Ч. А семья тем временем без Вас переехала сюда?

Н.Г. Да. Очень тяжелое. Вы знаете, тут можно многое на эту тему разговаривать. Значит, Смоленская область была... через нее проходил фронт. Очень много погибло мужчин, город был разрушен до основания совершенно. Поэтому жизнь была чрезвычайно тяжелая. В послевоенное время и оттуда такая была миграция массовая. И не только Смоленская, но и Брянская и другие области. Поэтому сюда многие переехали, в Крым. В степной Крым, который был полупустой не потому что крымских татар выслали, здесь их вообще очень мало было в степном Крыму. Просто были пустые земли. И сюда переехали вот люди.

Т.Ч. А как это технически делалось, это были объявления в газетах?..

Н.Г. Ну да. Впоследствии. Отец поехал просто по письму к знакомым сюда...

Т.Ч. Ага, то есть был кто-то, кто уже уехал раньше.

Н.Г. Да-да, из Петрович здесь жители уже... Из того села, что я Вам говорил о погромах.

Т.Ч. Где мама была?

Н.Г. Мама там служила в свое время. И потом... А потом уже был организован такой набор, значит, вот этих, переселенцев. Там было специальное постановление, там льготы были определенные. Отец приехал сюда в 51 году. Мама потом приехала через некоторое время. А я просто наезжал, уже будучи студентом или учащимся.

Т.Ч. А Вы помните свои первые впечатления? Вот Вы приехали сюда. Что запечатлелось, какая картинка?

Н.Г. Ну, конечно, конечно. Во-первых, я сам вырос среди лесов, речек, лугов, грибов, рыбы и так дальше. А это степь, она, конечно, поразила необъятностью. И в то время в пятидесятые годы ведь практически здесь не было почти ни единого дерева. Вот сейчас, когда Вы проходили по поселку...

Т.Ч. Поразились, давно сколько...

Н.Г. Видели, значит. Все здесь посажено человеческими руками. Акации недалеко в центре села. А остальное пространство была степь. Степь, степь, степь. Кстати, вот эту степь в 24, 25, 26-ых годах осваивали евреи.

Т.Ч. Вот сейчас об этом поговорим. Скажите. Пожалуйста. Вот когда Вы сюда приехали, Вам было двадцать?...

Н.Г. Я приехал в 62 году после института уже на постоянное место жительства.

Т.Ч. А, даже так вот. Вы приехали на постоянно в 62 году. То есть уже 26 лет, взрослый. Горным техникум, да?

Н.Г. Я приехал сюда после института. После горного техникума я поехал на Урал. Вот, там у нас была раньше такая форма распределения: у кого на сплошные пятерки, выбирали Шпицберген, Кузбас, где высокие заработки и так дальше. У меня не было, я последний курс...

Т.Ч. А я думала, что они тогда были сплошь романтиками.

Н.Г. Романтики, романтизм тоже был. Шпицберген все-таки. Вот. Ну и кроме того,

Донбас вообще, конечно, надоел, мы же там учились. Я выбрал Урал, Пермская область Рамолтовская область, Каспорский. Каспоре ...там город есть такой. Кизилковский бассейн. Вот туда я и был направлен на работу горным мастером на шахту 40 Коспорсуголь. Сначала я там работал горным мастером, на транспорте, добывающих участках, был даже несколько месяцев... исполнял обязанности главного инженера, потому что там не было специалистов. В армию меня не взяли, потому что был запрет... нехватки специалистов вот этого горного дела. Я от армии отвильнул, но зато я там отработал все, как положено.

Т.Ч. Скажите, пожалуйста, там вот среди контингента Вашего, с тем, с кем Вы работали, там вообще ссыльные были? Это те места?

Н.Г. Да, это был очень... Мне, так сказать, в этом смысле как бы повезло. Ну, в кавычках, в смысле. Интересная школа была. Шахта №40 была построена ссыльными немцами. Вот когда шла депортация немцев по Волге.

Т.Ч. Это не пленные еще были...

Н.Г. Нет, совершенно верно. Вот они, их туда выслали и там они стали строить. Их выселили прямо посреди тайги. И сказали: «». У меня очень много друзей там осталось, знакомых. Между прочим, среди этих немцев были и из наших краев, из с. Берлина – это наш восходненский сельский совет, немецкое село.

Т.Ч. Берлина?

Н.Г. Берлин. Сейчас оно Плодородное. Они были выходцами из Пруссии и в честь своей столицы назвали это село Берлин. Так вот, там были немцы, во-первых, и еще был очень большой контингент из тех, кто уже отбыл заключение. Там кругом были опыты - отдельные лагерные пункты. И даже у меня в сменах работали много очень заключенных, потому что тогда шел зачет. Кто хорошо работает, там коэффициенты были определенные. И они хорошо работали. Контингент был очень такой разнообразный, работали хорошо, но были сложные люди. Там были... и еще там было много казанских татар, там работали.

Т.Ч. Не крымских, а казанских?

Н.Г. Нет, крымских там не было. Были крымские немцы немножко и поволжские немцы, и поволжские татары.

Т.Ч. А бывших пленных немцев тогда, вот военных, уже не было?

Н.Г. Нет-нет-нет. Там были у них, очень интересно, тяжелые условия, не выездные они были. Там недовольны очень были советской властью. Много об этом можно рассказывать. Я эту школу прошел.

Т.Ч. Они интернированы были когда?

Н.Г. В 41 году. В 45 году они уже получили права выезжать за пределы Пермской области. А так они был там закованы. Вот надо было уехать, допустим. В город. Они шли в комендатуру, отмечались и так дальше. У меня был один друг Андрей Вейт. Он сказал: «Знаешь, Николай, - говорит он, - я бы пострелял сейчас всех на свете». Я тебе сочувствую, но не могу помочь, ничем не могу помочь. Так что три года я работал под землей. Вот. Ну, потом последний, в 56-ом году я переехал в Донбас, потому что у меня там были проблемы. Много было несчастных случаев. Я просто должен был переехать, мне посоветовали, потому что черт его знает... Такая вот невезуха была, погибли люди. Раз в смене, второй в смене, завал там был. Там в 55 году была катастрофа страшная, погибло на соседней шахте 250 шахтеров сразу.

Т.Ч. То есть Вас судьба хранила и Вы решили...

Н.Г. Хранила. Но был тоже в завале, был. Более 30 часов откапывали. Тоже судьба спасла. А потом я последний год работал. 55-57 годы работал на Донбассе на Комсомольской шахте, Исеновское шахтоуправление, помощником начальника участка. Одновременно ходил в вечернюю школу, потому что в то время, если техническое образование, то в гуманитарный вуз не принимали.

Т.Ч. А Вы уже тогда хотели в гуманитарный вуз?

Н.Г. Да, конечно. Хотел со школы.

Т.Ч. А когда это с Вами случилось? А, это случилось еще в школе...

Н.Г. Конечно, да-да. Я уже кое-что печатал немножечко. Вот. И в 57 году я стал студентом 1 курса историко-филологического факультета Сталинского (а потом - Донецкого) пединститута.

Т.Ч. В 21 год?

Н.Г. Да. 57-ой год.

Т.Ч. Да. 21 год.

Н.Г. 21 год, да...

Т.Ч. То есть до 21 года Вы уже прошли такую школу.

Н.Г. Конечно. Наверное, поэтому мне сразу ... Нас таких... я не один там был. Меня сначала комсоргом назначили факультета нашего, потом комсоргом института с правами очень столь... Вот сейчас говорят о том, что мол не давали молодежи прав. Я, имея большие права как комсорг, и членом комиссии по приему студентов был, и по вопросу общежития, стипендии. Более того, как член учебного ученого совета принимал участие в голосовании при присвоении ученого звания.

Т.Ч. Скажите, пожалуйста! Как интересно, будучи студентом...

Н.Г. Да.

Т.Ч. Очень интересно.

Н.Г. И еще интересно, что я не был коммунистом. Вот сейчас много говорят, что коммунисты, только коммунисты. Нет, членами комитета комсомола были коммунисты. А я как-то очень к этому делу присматривался, не спешил, и даже будучи директором школы, еще не был комсомольцем. До последнего.

Т.Ч. То есть оставались до сколько? 35, по-моему, да?

Н.Г. Нет, до двадцати... неправильно – тридцати.

Т.Ч. И в партию не поступали. С этим были проблемы?

Н.Г. Да проблем не было. Просто родные люди в партии были, и как-то не очень хотелось.

Т.Ч. Но Вас как бы не принуждали?

Н.Г. Нет, ну тут такая была ситуация, что работать директором школы было интересно. Намекали, что, конечно, Николай, давай думай о партии. И поэтому мне дали рекомендации очень солидные люди такие, с орденами. Я коммунистом стал в 65 году, 29 лет мне было. До предела.

Т.Ч. Скажите, пожалуйста, у Вас в институте, вот уже в гуманитарном, да?... У Вас евреи были?

Н.Г. Были, да. Ой, много знакомых ребят было. Да, конечно.

Т.Ч. То есть было много людей. Да?

Н.Г. Да. Ну вот, например, Рая, сейчас... Рая Гольдберг. Я ее сменил на посту секретаря нашего факультета. Хорошая такая, замечательная девочка была. Теперь... сейчас в Симферополе работает мой приятель, сокурсник Брацлавский Эдуард Львович. Он

слепой, у него зрение... Он на войне... Мы ж были любопытные, мы умели разряжать любые мины, снаряды, вот. Ну, я трусливый был.

Т.Ч. Вот так разряжали, да?

Н.Г. Да. Вот он и разрядил. Он учился рядом со мной, вместе ходили в институт. Сейчас он возглавляет в Крыму общину слепых, предприятие.

Т.Ч. Да, слышала эту фамилию.

Н.Г. Хороший. А его брат родной мастер спорта по боксу, Володя, вот он возглавляет знаменитый в Симферополе, есть там такой клуб «Кедр», который там художественная гимнастика и так далее.

Т.Ч. Очень интересно. Николай Александрович, скажите, пожалуйста, а вот Вы как бы все-таки были из тех людей, которые задумываются над тем, что вокруг. Скажите, помните ли Вы, это было вообще актуально тогда в 50-ые года, 57, 58? Разговоры о том, что было во время войны с евреями. Или это было абсолютно неактуально?

Н.Г. Ну здесь можно подойти избирательно к этому.

Т.Ч. Ну а как в Вашем восприятии? Как Вы это помните?

Н.Г. Да нет. Во-первых, значит, тут надо, наверное, разделить. Во-первых, просто как меня как человека, наверное, раз который вырос все время в такой среде, где никакого не было, никаких проблем, Вы понимаете? А с другой стороны, мы... надо смотреть на то, что разные люди были, понимаете... И если говорить, допустим, антисемизм (потом исправляется – Л.К.) антисемитизм, я Вам скажу, что проявления такие были. Мне, например, даже в школе у нас были, я знаю.

Т.Ч. Это было на уровне детском или на уровне учительском?

Н.Г. Нет, даже на взрослом на уровне.

Т.Ч. То есть осознанно?

Н.Г. Да. Знаете, в целом, конечно, среди студенческой среды таких явлений не было. Нормально все. Вот Вайцман был у нас Марк.

Т.Ч. То есть все учились вместе и не было?..

Н.Г. Да, не было никаФких проблем, никогда не возникало. А вот в такой среде обывателей, пониже... Да, там это, конечно, были. Но не антагонистично, где-то так, просто. Может быть, завидуя иногда даже.

Т.Ч. А скажем так, вот крымские татары они появлялись в Вашей среде или тогда О них вообще ничего не было слышно?

Н.Г. Крымских татар я только здесь впервые. Я работал на Урале, у меня в смене ... я был... вот, мне везло всю жизнь, я все время с девочками работал. Тогда они еще под землей работали, девчонки. Вот. Там были и татарки. Казанские татарки. Вот, ну там это другой народ, там они разные. Там мусульманки были и крещеные были. Вот. Нет, нормально. Все очень было дружно и никаких потасовок или конфликтов не было.

Т.Ч. Но о крымских ничего не было слышно?

Н.Г. А Крымские, они... никогда ничего, кроме литературы, не знал.

Т.Ч. Вот! Ничего, кроме литературы?

Н.Г. Да. Нет.

Т.Ч. А родители отсюда ничего не писали, никогда этого не было?

Н.Г. Так здесь не было крымских татар в нашем районе. Наш район уникальный. Это немецкий район. А наш сельский совет...

Т.Ч. То есть отсюда никого не депортировали?

Н.Г. Э-э-э... Депортировали немцев.

Т.Ч. Нет-нет, я имею в виду татар.

Н.Г. Из нашего сельского совета не было ни одного селения татарского. В районе были отдельные селения, но я, насколько я...

Т.Ч. То есть это прошло мимо?

Н.Г. Литературу я не встретил здесь. Ничего. Я не видел этого в литературе. Я занимаюсь давно краеведением, но я не находил документов о депортации татар именно из нашего района, не находил. Что касается немцев, да, находил. Это было.

Т.Ч. Мы поговорим об архивных материалах чуточку подробнее попозже. А вот Вы приехали сюда. Вы уже были специалистом и состоявшимся человеком. Учительство в школе Вы выбирали сами или ... или оно Вас нашло?

Н.Г. Нет, я сам. Потому что у меня были хорошие перспективы. Во-первых, значит, я в институте, в ЦК комсомола знали хорошо. Все таки комсорг института и член там обкомов и так дальше. Поэтому у меня карьера была открыта, комсомольско-партийная. Я просто не хотел этой карьеры.

Т.Ч. Уже тогда Вы сознательно не хотели?

Н.Г. Да, я видел, что очень много слабых людей по своей подготовке, интеллекту занимают высокие посты. Я не хочу называть сейчас никто имена. Я знал Ельченко очень хорошо, это известный политический лидер. Я знал Шевченко очень хорошо, Валентину, которая была в Президиуме, в Комсомоле была.

Т.Ч. Ее я знала.

Н.Г. И я очень хорошо многих знал других. Я не хотел, тем более уже и тогда в те годы понятно было, что без какой-то протекции где-то какую-то карьеру (а у меня в общем-то не было таких желаний) не сделаешь. Я знал, что в лучшем смысле, ну, можно сделать карьеру. Здесь мне предлагали в обком партии пойти, я не пошел. В Крыму. Ну, будешь кому-то писать доклад там, ну, станешь завотделом, станешь.

Т.Ч. А пошли в школу.

Н.Г. В школу пошел.

Т.Ч. Кто-то сагитировал?

Н.Г. Нет. Я Вам скажу, я... Для меня школа – это в общем самый такой плодотворный и яркий период в жизни. Я сейчас с удовольствием работаю, хотя сейчас очень трудно. Поменялись дети и тем не менее. Школа была для меня экспериментальная площадка. И в школе я хотел сделать то и детям дать то, что я сам в детстве не получил. Поэтому вот это без ложной скромности скажу прямо. Восходненская школа, я могу Вам дать почитать, ну, почитайте книжку мою, купите, если хотите.

Т.Ч. С удовольствием.

Н.Г. Книжка... Это была одна из лучших школ страны. Это была самая крупная школа продленного дня. И поскольку у меня были очень хорошие отношения с председателем, ну как хорошие отношения... Перт Семенович покойный Переверзев меня в принципе сагитировал туда работать. Это было, когда я еще был студентом. Приезжал сюда, меня сагитировали, я согласился. Звонят, что ли?

Т.Ч. Нет.

Н.Г. И второй председатель, Владимир Иванович Криворот, тоже Герой соцтруда, знаменитый человек у нас в Крыму на Украине. Мы 25 лет вместе работали и он всегда поддерживал те добрые начинания, которые нужны были сельскому ученику и сельскому учителю. Школа продленного дня у нас была...

Т.Ч. Это 60-ый год?

Н.Г. Это 60-ые годы. Я до восьми... до 79-го года был директором. С 64 по 79 год, даже 80 г. У нас в школе были идеальные условия для занятий. Прекрасные здания, значит, ребятам, два плавательных бассейна ребятам, Три спортивных зала. Из школы вышло 40 мастеров спорта, рекордсмены Европы и, значит, мира. Участники Олимпийских игр, вот, из школы вышли ребята. Здесь музыкальная школа есть, тоже я там занимался.

Т.Ч. Это при школе было, да?

Н.Г. Все было. Здесь можно было получить самое отличное образование, и наши ребята поступали в институт им. Баумана, в ленинградские вузы. Это не сейчас, когда можно, коммерческая основа есть.

Т.Ч. Ну да, а тогда в 60-ом ничего...

Н.Г. Поэтому знания давали хорошие, школа была великолепной.

Т.Ч. А кто были учителя?

Н.Г. Учителя... Вот до сих пор еще эти кадры хранятся. Ну, я принял как бы эстафетную палочку от Эдуарда Захаровича Миневича, директора школы. Очень умный человек, специалист по Новой истории. Потом он переехал по там состоянию семейному в Симферополь. Работали многие прекрасные в селе ...

Т.Ч. Он выходец отсюда?

Н.Г. Нет, он вообще-то выходец не отсюда, но где-то из Крыма. И старожилы тогда были: Зинаида Григорьевна Ларицкая (Зися Гиршовна), Софья Борисовна Дубровская, Ольга Самуиловна Силкина, Людмила Хазанова, забыл отчество.

Т.Ч. А вот Зинаида Гирш, которая была завучем, так? Вы сказали, что она Зися, так? А как она стала Зинаидой?

Н.Г. Да-да, Вы знаете, я вот сам вот не то, что удивлялся, но я знал, и с документами знакомился. Ну, кто его знает, есть какая-то вот, поскольку в основном все такие такое русскоязычное как бы кругом нас. Разные как-то есть люди. Я не знаю, то ли с точки зрения благозвучия какого-то, я сам задавал вопрос «Чего не хотите?». – «Да ну, так уже привыкла Зина, Зина». Зися Гиршовна, Зинаида Григорьевна - ну какая разница?.. Ну, была такая, есть такая тенденция.

Т.Ч. А она была из местных, она была отсюда?

Н.Г. Да.

Т.Ч. А спаслась, потому что была...

Н.Г. Переехала потом. А нет, они уезжали в годы войны.

Т.Ч. В эвакуацию?

Н.Г. Да. В годы... 41 г.

Т.Ч. Вся семья или кто-то здесь?..

Н.Г. Все уезжали Ларицкие.

Т.Ч. Все уезжали Ларицкие и поэтому все остались живы. А вот остальные фамилии, которые Вы называли, Ваших учителей, это были местные или приезжие?

Н.Г. Местные, местные, местные. Кайдановы, Дубровские. Много было местных. Они тоже.

Т.Ч. Как они остались? Тоже потому что?

Н.Г. Тоже. Потому что все уезжали. Кто остался – погибли. Были массовые расстрелы вот в районе Дубков под Симферополем.

Т.Ч. Садили и отсюда тоже, да?

Н.Г. Да, и отсюда. Есть данные, я вот фамилии кое-какие сейчас не могу Вам назвать, но есть у меня фамилии. В архивах находил данные о том, что из села Найлебен (Восход) и

села Ротендорф (это Климово).

Т.Ч. Значит, Восход имел немецкое название?

Н.Г. Найлебен – это еврейское. Не «Ной», а «Найлебен».

Т.Ч. А, Найлебен, вот!

Н.Г. Да. И Ротендорф тоже еврейское.

Т.Ч. Тоже еврейское – «Красная деревня», «Красное село».

Н.Г. Да, «Красная деревня», «Красное село».

Т.Ч. Значит, есть ли у Вас сведения о ком-то, кто это пережил и остался жив?

Н.Г. Кто бы здесь был?

Т.Ч. Да.

Н.Г. Нет, нет таких сведений. У меня нету, к сожалению.

Т.Ч. То есть выживших Вы не знаете?

Н.Г. Нет, не знаю. Я вообще интересовался, когда писал очерк для «Истории сел и городов украинской СР». Вот тогда я собирал кропотливо материалы. О, у меня даже есть, кстати, очерк, который никогда не печатался. Лежит у меня вот здесь, рукописный. Нет, я вот таких никого не находил. Рассказывали об этом времени, вот. Зайдман рассказывал, Ицковы рассказывали, но они уже рассказывали то, что слышали от тех, кто здесь... Да здесь почти никого не было на территории. Несколько, несколько славянских семей здесь было.

Т.Ч. Остались несколько славянских семей, осталось?

Н.Г. Да-да.

Т.Ч. Остались.

Н.Г. Остались. Пархоменко были, Хмики.

Т.Ч. Это те, кто были в эвакуации, ой, оккупации? Никого из них сейчас уже нет живых?

Н.Г. Нет-нет. Ну и вообще они избегали как-то говорить, потому что, видимо, какие-то проблемы были у них такого...

Т.Ч. Избегали тогда, когда Вы этим занимались исследованием. Да?

Н.Г. Да-да. Может быть, сотрудничали. Может быть, кто знает? Я нее знаю. Во всяком случае такого прямого разговора не получалось.

Т.Ч. Но это именно как бы на уровне вот таких проблем. Из них никого не судили, то есть неофициально ничего такого не было. И сведений о выживших не осталось совсем?

Н.Г. Нет.

Т.Ч. А скажите. Пожалуйста, а вот из Ваших учеников были ли дети, которые каким-то образом являлись родственниками тех погибших здесь. То есть какой-то след о них остался, от этих погибших, или никакого следа?

Н.Г. Знаете, только про... однофамильцы, ну, какие-то дальние родственники были. Ну. Допустим, Радницкие, я знаю, были. Дальние кто-то там из Драгилевых были. Но они об этом не рассказывали и плохо знали.

Т.Ч. А Вы пробовали с ними разговаривать?

Н.Г. Эту тему я не поднимал почти.

Т.Ч. Почему? Вы понимали, что об этом не нужно говорить?

Н.Г. Да нет. Они мало знают что. Дальние родственники какие-то были у них. Дальние родственники, он не интересовались.

Т.Ч. Вот когда Вы приехали, здесь никаких памятных знаков не было вот в этих Дубках?

Н.Г. Нет, не было. Тогда еще не было.

Т.Ч. ничего, да?

Н.Г. Да.

Т.Ч. То есть совсем ничего. А вот Вам случалось говорить с детьми о войне? Ну, понятно, что у Вас...

Н.Г. Ну конечно, да, я же историк. Естественно. Постоянно и сейчас я вот тоже.

Т.Ч. Вы могли отступить тогда от учебника?

Н.Г. я всегда отступаю от учебника. И сейчас. Вот сейчас, когда, например... Вот я в прошлом году 11 классы выпускал. Сейчас ведь курс фальсифицированный, страшный. Это вообще лживый курс и . Если следовать этому курсу, то из наших воспитанников будут получаться русофобы и так далее. Поэтому я всегда рассказываю ребятам как бы альтернативное, как можно еще события...

Т.Ч. Это сейчас?

Н.Г. Да.

Т.Ч. Это вообще не имеет цены.

Н.Г. И тогда было. Всегда.

Т.Ч. И тогда Вы могла рассказывать?

Н.Г. Да, рассказывал. Но дело в том, что...

Т.Ч. Преследовали?

Н.Г. Да ну, я не думаю, таких преследований не было. Но ребятам говорил, отвечайте по учебнику, потому что если будет сидеть какой-то националист, и Вы будете

Ему там про коммунистов рассказывать, про молодогвардейцев, вам скажут: «Шановний пане, що Ви кажете? Такого не було».

Т.Ч. Николай Александрович, я Вас чуточку верну вот в те первые 60-ые годы, когда Вы приехали. Те ребята... Вы могли отступить от учебников, преследований не было. Здесь комиссий не было? Которые приходили к Вам на урок и смотрели, все ли Вы рассказываете в соответствии с планом?

Н.Г. Да нет. Нет, это не совсем так. Нормально.

Т.Ч. Здесь такого не было?

Н.Г. Да нет. Я не знаю. Это, конечно, может быть, какие-то ненормальные люди, может быть, что-то преследовали. Ну, в целом мы, конечно, по учебникам, естественно, шли. В основе школ, возьмите вот сейчас, о Сухомлинском. Кстати, я у него был на уроках несколько раз.

Т.Ч. Да, я тоже была.

Н.Г. Были вместе на съезде с ним в 68 году, на Всесоюзном съезде. Поздравлял его с присвоением звания. Он же коммунист до мозга костей. Как все. У нас же единая была доктрина обучения коммунистическая идеология тогда. Но просто иногда, допустим, я позволял, как и сейчас, рассказать, что... Допустим, есть взгляды буржуазных каких-то так называемых ученых, допустим, на войну. Или оценка личности Мазепы или там еще какого-то лидера.

Т.Ч. А вот, скажите, пожалуйста, когда Вы тогда в 60-ые годы рассказывали детям о войне... Вы говорите, что всегда делаете отступления. Вот интересно, отступления в какую сторону вот тогда делали?

Н.Г. Ну как отступления...

Т.Ч. Что Вы им рассказывали, чего в учебниках не было?

Н.Г. Ну, я рассказывал, например, о еврейских погромах. Рассказывал то, что я видел сам. Я, например, рассказывал такие вещи вот, которые крамольно было говорить. Скажу, на оккупированных территориях немцы распустили колхозы. И вот был такой парадокс, что

люди стали жить лучше, чем жили в колхозах. Не везде, в некоторых местах. Ну, многие вещи рассказывал.

Т.Ч. А откуда Вы об этом знали?

Н.Г. Из своей практики. Я же жил на оккупированной территории и знаю.

Т.Ч. То есть тоже в Смоленской области так было?

Н.Г. Да-да.

Т.Ч. ...что когда распустили колхозы...

Н.Г. Да. Не везде, нельзя так говорить, конечно. Ну, потом, знаете, в оценке каких-то исторических деятелей, личностей. Но нельзя считать, что это был альтернативный курс. Просто чтобы у ребят пробудить интерес. Вот почитайте то-то, интересно, почитайте то-то.

Т.Ч. А они вопросы задавали вот о евреях, о татарах, которых депортировали. Вообще по Крыму такие вопросы были?

Н.Г. Вы знаете, такие вопросы появились, когда они выползли на широкую международную арену. Тогда они уже...

Т.Ч. То есть с середины 90-ых годов?

Н.Г. Немного раньше. Дело в том, что, допустим, с Желиневым давно на радиостанции «Свобода», он давным-давно там обитал, поэтому вот этот слушал вопрос. Ну и доступную информацию я, конечно, им рассказывал, говорил. Я работал в архивах.

Т.Ч. Когда Вы работали в архивах?

Н.Г. В 60-ые годы работал.

Т.Ч. Свободный доступ у Вас был или с этим были проблемы?

Н.Г. Нет, проблем не было. Вот, особенно... Да нет, нормально. Какая-то, может быть, там часть архивов была недоступна, не знаю, я туда не добирался. Но вот то, что касается, например, крымских татар, я работал с этими архивами.

Т.Ч. Свободно?

Н.Г. Да. Ну, не знаю, все ли. Но мне был доступ. У меня был Кондрашов, там заведующий партийным архивом.

Т.Ч. Где?

Н.Г. В Симферополе.

Т.Ч. В Симферополе.... А в Киевских архивах вы не работали?

Н.Г. Нет, ни разу.

Т.Ч. Значит, вот это Симферопольские архивы.

Н.Г. Да, очень много. Вот когда написали историю наших сел, то много было очень такого доступа... тут вот.

Т.Ч. Безпроблемного?

Н.Г. Безпроблемного.

Т.Ч. По какой-то бумажке или Вам...

Н.Г. Надо было брать разрешение из, например, райгосадминистрации или райсовета, что такой-то будет работать в архиве и т.д.

Т.Ч. Ну Вам приходилось видеть документ позначкой «секретно»? Или таких в архиве...

Н.Г. Мало.

Т.Ч. Мало, да? Мало. А вот те. Что приходилось, интересно, чего они касались?

Н.Г. Вы знаете, меня интересовала, например, проблема 21, 22, 20-ых годов, вот когда здесь была установлена советская власть. Вот это меня очень интересовало.

Т.Ч. Вот именно на этом месте, на месте...

Н.Г. Да-да-да.

Т.Ч. ...и теперь Восхода.

Н.Г. Да. Потом меня интересовала жизнь немцев, потому что я плохо знал. Не знал практически.

Т.Ч. Немцев вот этих, колонистов?

Н.Г. Да, колонистов. Вот поэтому мне удалось ряд архивов интересных. Вот,, например, договор сельского старосты с. Берлин. Потом я нашел документ, касающийся мишеньского ревкома. Это было Мишень - немецкое село, сейчас Нахимово. Очень интересное. Расписки там всякие вот есть, там заседания ревкома. Есть там решения об открытии начальной школы, об изъятии _ для начальной школы, о раздаче ситца, 40 аршин для школьников. Очень интересные.

Т.Ч. А вот когда появилась эта колония Берлин?

Н.Г. Берлин и Мишень, и Адорчин, эти колонии появляются в основном после указа Александра I о переселении 1801 года. Хотя это не совсем так, хотя есть сведения (но о Берлине я не находил), что это 1870-ые года, потому что первые школы значатся на территории нашего района с 1875-1880 гг. Уже школы были. В Мишени школа. Вот я говорил об открытии советских школ, потом я дам штатскую школу, это недалеко здесь село было, Чульбаши немецкое.

Т.Ч. Как-как?

Н.Г. Чульбаши. Дармштадт.

Т.Ч. Дармштадт который был прежде Чульбаши. То есть это было татарское село?

Н.Г. Кто его знает. Ну, там вот следов пребывания татар я не нашел. Название такое было, когда оно было...

Т.Ч. Название осталось. Это хорошо. Скажите, пожалуйста, а когда возникает Найлебен?

Н.Г. Четко знаю. Во-первых, есть замечательный первоисточник. Можно почитать, вот он. Так. Населенный пункт Найлебен. Читаем. В списке населенных пунктов Крымской СР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 года. Издано в Симферополе в 27 году. На странице 42 упоминается Найман Ротендорфского сельсовета... то есть Найлебен Ротендорфского сельсовета. Количество дворов- 52. Население- 184. Школа- одна еврейская (идиш). Среди населенных пунктов: русские - 3 человека, украинцы - 1, евреи - 180.

Т.Ч. Вот как. Что же это были за евреи? Откуда они?

Н.Г. Докладываем. Докладываем. После революции, когда многие евреи, занимавшиеся разными там промыслами какими-то там: извозом, изготовлением каких-то изделий, они оказались как бы деклассированными элементами, жизнь была достаточно неуютная. И вот тогда они обратились в ЦК, в Центральный Исполнительный Комитет. Я имею данные, вот, документы эти. Тогда был Михаил Иванович Калинин там у нас всесоюзный староста. ЦК принял постановление. Предложил на добровольных началах, кто хочешь, переселяться в Степной Крым, в северную часть Крыма из Гомельской области, Смоленской, Могилевской области... губернии... а нет, области уже. Вот они сюда и стали переезжать. Им небольшие подъемные суммы давали, разрешали брать с собой все имущество, которое можно, сколько там можно вывезти. Такой замечательный писатель Илья Зиновьевич Гордон, у него есть книга «Под жарким солнцем»... называется книга. Она вышла большим тиражом, огромнейшим тиражом. Он был и гостем нашего музея, и в моей семье был гостем. И мы с ним работали еще над одной темой интересной. К сожалению, он не успел закончить.

Т.Ч. А какая тема?

Н.Г. Тема продолжения вот еврейских колхозов в наше время.

Т.Ч. Специально об этом поговорим чуть позже, да?

Н.Г. Да. Ну вот это было в 24-25 годах сюда приехали на станцию Курман-Кемельчи. Станция сейчас Урожайная.

Т.Ч. Где это Курман-Кемельчи?

Н.Г. Урожайная, откуда Вы ехали, Красногвардейское.

Т.Ч. Ага! Значит, оно побывало еще и Урожайным.

Н.Г. Нет. Урожайная она станция, а раньше называлась Курман-Кемальчи. Это был и Курманский район, и Курман-Кемельчинский район, и Тельманский район был. А с 62 года - Красногвардейский район. И вот они сюда в отведенный участок переехали сюда. Это нынешнее село Восход. Здесь они поселились, построили две улицы землянок. Получили землю по 3 десятины на человека.

Т.Ч. Земля соленая?

Н.Г. Нет, земля не соленая была. Но здесь не было воды. Проблема. Переселенцам пришлось покупать воду. Тут рядом немецкое село Берлин, вот они покупали там.

Т.Ч. Более раннее село и уже?..

Н.Г. Да. 70-х годов. Ну и тут они потихоньку...

Т.Ч. Что значит покупать воду? В бочках?

Н.Г. В бочках.

Т.Ч. Ой-ой-ой. А откуда у немцев была вода?

Н.Г. У них уже были скважины. Артезианские колодцы.

Т.Ч. То есть здесь предстояло прорывать колодцы?

Н.Г. Они... в 26-м году был прорыт колодец первый. Артезианский колодец. Соленоватая вода была, но вполне пригодная.

Т.Ч. И для земледелия тоже, да?

Н.Г. Да. И потом уже жизнь пошла, конечно, повеселее. А в 30-ые годы здесь начался процесс образования колхозов. Сначала это были товарищества по совместной обработке земли, как советовал Членов, известный Вам. И с 30-го, 31-го точнее, в селе Восход появился колхоз им. Молотова. Вот так. Это был еврейский колхоз.

Т.Ч. Им. Молотова, но он же и был Найлебен?

Н.Г. Найлебен – это село. Найлебен – село, название села.

Т.Ч. А, понятно.

Н.Г. Так, вот полагается за Найлебен. Берите.

Т.Ч. Не откажусь. (Пауза) К сожалению, уже... Скажите, пожалуйста, известно было, вот те, которые переселились, что они, понятно, имущества с собой привозили они мало. А вот, скажем, духовность, традиции какие-то, вот какое-то культурное наследие? Что-то здесь... культурное наследие осталось?

Н.Г. Так. Понял. Вопрос понял. Ну что, приехали сюда люди разные. Хотел бы сказать, что среди этих приехавших был Илья Йегудин, легендарный председатель колхоза „Дружба народов” Дело в том. Что сначала он жил здесь, на территории нашего колхоза „Россия” нашего Восходненского сельсовета в колхозе им. Чапаева. Это село Найшпроцунг, еврейское село тоже.

Т.Ч. Недалеко?

Н.Г. Шесть километров, не меньше. Ну, 6-5 км от нас. Но там сейчас практически никого нету. Только на кладбище есть ... Вот лежат его родные Ильи Абрамовича и сам он уже

скончался.

Т.Ч. А что значит никого нет? Там нет евреев или вообще нет никого?

Н.Г. Нет евреев.

Сторона 2.

Н.Г. Так вот, Илья Абрамович, хочу сказать, он был бригадиром, вообще о нем можно рассказывать очень много. Где-то даже я фотографию Вам принес. Не знаю, где-то тут у меня была. Потом поищем, да?

Т.Ч. Ага.

Н.Г. Он был бригадиром, потом председателем. В 35-м году был на Первом съезде колхозников. Он получил орден Ленина. Сталин поздравил его лично. А потом вот уже в послевоенные годы он возглавил соседний колхоз им. Молотова.

Т.Ч. Как он остался в живых? Он воевал?

Н.Г. Он... Очень сложный вопрос. Я, значит, знаю, что он, по-моему, где-то был ранен, потом оказался в тылу. У него, во всяком случае, Орден Труд...(исправляется) Боевого Красного знамени есть.

Т.Ч. Есть.

Н.Г. Есть. Воевал.

Т.Ч. Но в Холокост он не попал?

Н.Г. Не попал к счастью, вот. И поэтому вот уже в 44 году он работал в райисполкоме, потом с 48-го года возглавляет легендарный «Дружбы народов». У него за столом сидел и Хрущев, и Брежнев, и министры сельского хозяйства Соединенных Штатов Америки, Дании. Он был очень интересный человек.

Т.Г. Вот давайте уточним. Легендарный колхоз «Дружба народов», он что в себя включил? Потому что здесь был колхоз им. Молотова.

Н.Г. Да вот давайте разберемся. Так, во-первых, было так, что после войны было два колхоза Молотова. Один колхоз Молотова был в селе Найлебен, а второй колхоз Молотова был в селе Петровка через... ну, разница здесь 8 км между нами. Позже наш колхоз стал называться им. Маленкова.

Т.Ч. Вот который в Найлебене?

Н.Г. Да. А потом с 59-го года стал «Россия» называться. Да, а колхоз, в котором работал Илья Абрамович, стал называться «Дружба народов».

Т.Ч. То есть это тот вот, который в Петровке?

Н.Г. Который в Петровке. Ну, рассказывать можно очень долго о нем. Цифры, я все это знал, я хорошо знал Илью Абрамовича и брал у него несколько раз интервью. И материалы делал о колхозе.

Т.Ч. А вот интересно, это правда, что как бы евреев уже не было после войны?

Н.Г. Ну что Вы, очень много было.

Т.Ч. Нет, тех, кто сейчас вот говорим. Кто там был до войны, погибли?

Н.Г. Да нет, вернулись.

Т.Ч. Вернулись после войны?

Н.Г. Да, ну как же.

Т.Ч. Я обратила внимание, что название села осталось. До какого года название осталось, оставалось?

Н.Г. Найлебен?

Т.Ч. Да.

Н.Г. До 56-го. До 56-го года.

Т.Ч. оно само собой исчезло или?

Н.Г. Вы знаете. Это была.. Я вот не вникал в технологию этого, но это была, помните, когда переименовывали старые названия после войны, да?

Т.Ч. Да.

Н.Г. Но наше село как-то долго...

Т.Ч. 56-й год?

Н.Г. Да нет, еще раньше. В 45-46 компания уже была. Наше село тут еще до 56-го года было Найлебенем. А потом по инициативе сельского совета, поскольку население тут уже было только национальное... тут я не знаю.

Т.Ч. Вот Вы говорите, что много вернулось.

Н.Г. Да.

Т.Ч. Если я не ошибаюсь, Вы назвали цифру с документа. Первоначально было 180?

Н.Г. Да.196.

Т.Ч. 196. Вот интересно, есть ли у Вас цифры, сколько было перед войной и сколько было после.

Н.Г. Значит, вот такое абсолютное... цифры по нашему селу Найлебен нету. Но я знаю, что по нашему бывшему колхозу, по нашим селам, которые входят в состав Восходненского...

Т.Ч. «Дружбы народов»?

Н.Г. Нет, «Дружбы народов» отсекаем. Это вот 10 сел нашего Восходненского сельсовета. Вот евреев и вообще с фронта не вернулось 150 с лишним человек, 156 примерно.

Т.Ч. Тех, кто были призваны?

Н.Г. Да. Кто был призван.

Т.Ч. А сколько погибло здесь?

Н.Г. 35 человек было расстреляно в Дубках.

Т.Ч. Село?

Н.Г. Да. Ну, тех, кто оставался здесь. Это из нашего...

Т.Ч. А оставалось всего 35 человек?

Н.Г. Ну, получается так. И еще человек 30, я находил такую цифру, не совсем я уверен в ней, были как бы направлены в Германию в концлагеря.

Т.Ч. А откуда, простите, откуда, эти данные?

Н.Г. Архивные и по рассказам. Я...

Т.Ч. Это то, что вы собирали? То есть Ваша работа?

Н.Г. Вот то, что по расстрелам у Дубках, это я своими глазами видел и выписал.

Т.Ч. Документы?

Н.Г. Документы. Да. То, что отправлено в Германию, я тоже находил, но конкретно вот цифры... Вернее, конкретно цифры я все не мог подтвердить и не знаю.

Т.Ч. Значит, получается, что около 60?

Н.Г. Около 60, даже 70 вот примерно погибло, да.

Т.Ч. И среди них женщины и дети?

Н.Г. Да. Женщины и дети.

Т.Ч. Точных списков нет?

Н.Г. Точных списков нет.

Т.Ч. А вот не знаете ли Вы о таком. В Израиле есть такая традиция. Современные

потомки погибших людей организуются там в такие маленькие общины. Вот скажем, есть такая община еврейская Ялты, община, скажем, Уманского гетто, там община...

Н.Г. Нет, у нас такого нет.

Т.Ч. Нет... Точно знаете?

Н.Г. Точно.

Т.Ч. То есть там не консолидировались. Скажите, пожалуйста, еще одно слово по тем временам. А было ли здесь еврейское кладбище?

Н.Г. У нас здесь несколько еврейских кладбищ. В селе Найлебен есть еврейское кладбище. То есть оно сейчас единое кладбище, но там с одной стороны хоронят как бы христиан, а с другой - иудеев. И сейчас вот даже лежат... и сейчас вот недавно умерла, допустим, Ольга Самуиловна Салкина-Кайданова, учительница наша. Вот она похоронена в другой части кладбища. Анна Лазаревна Марголина вот умерла, она тоже.

Т.Ч. А скажите, пожалуйста, а особые знаки там есть? Мацевы, то есть надгробные надписи?

Н.Г. Знаете, на старых звезда Давида есть, на старых. Есть несколько таких могил почти заброшенных, потому что уже никого из родственников не осталось. Никого нет.

Т.Ч. А вот то, что я спрашивала, какое они культурное наследие привезли в свой Найлебен здесь. Были ли среди них религиозные люди, были свои обряды?

Н.Г. Да. Очень-очень мало было. Ну, во-первых, стремление сохранить культуру, мне кажется, уже проявилось в том. Что была школа на идиш, так? Первая учительница Чишман. Пятнадцать детей вот они учились на еврейском языке в начальной школе. Дальше...

Т.Ч. А, простите. Сколько она просуществовала?

Н.Г. Она была до войны.

Т.Ч. То есть до самого начала войны с 24-го года, то есть 14-15 лет вот она функционировала?

Н.Г. Да-да. Это была небольшая школа, потому что маленькое село. Вот. Еще если говорить о религии, синагоги здесь не было, это я точно знаю. Но здесь был такой дядя Григорий Элька, я его очень хорошо знаю и детей его учил в школе. Он, кстати, был депортирован ни за что. И говорил: «Сам не знаю». Пришли, забрали, десять лет отсидел. Скромный человек.

Т.Ч. Когда-когда-когда?

Н.Г. а это где-то его в годы, я Вам скажу, где-то 50-ые годы.

Т.Ч. И люди не знали, за что?

Н.Г. Он не знал, за что, да. Он такой замечательный, спокойный такой, рассудительный. «Коля, я не знаю, за что. Пришли, сказали и все», -говорил.

Т.Ч. Это не в 53-м, нет?

Н.Г. Не скажу, нет. Точно не могу уточнить.

Т.Ч. То есть дела врачей это никак не касается?

Н.Г. Нет. Да нет, нет. Не касается. Но вот он был глубоко верующим человеком.

Т.Ч. Так...

Н.Г. Я знаю, вот они там, старики немного, может быть, человек 8-10. Гейндин туда ходил, дедушка, он был таким у нас огородником, ходил. Ходил туда Рихтерман, был такой высокий дядька, грузчиком работал здесь. Копелев ходил туда. Вот это я знаю. Они...

Т.Ч. «Туда» - это куда?

Н.Г. А домой прямо к ним, к этим самым. По субботам ходили.

Т.Ч. конечно. Понятно. За это его?..

Н.Г. Нет-нет-нет. Ну что Вы? Это уже в советское время ходили.

Т.Ч. Это после того, как он отсидел?

Н.Г. После отсидки, конечно. Нет, ну все нормально было. Так что, ну что говорить из культурного наследия... Ну, я Вам скажу, что таких вот Яне помню, чтоб были. Отрывки из Шоа мы читали. У нас со сцены иногда читали. А вот еврейских песен не было. Был вот яков Хазанов. Так он любил петь еврейские песни когда-то в какой-то вечер, там праздник какой-то. Ну, это просто так, как проявление индивидуальное. А вот так чтобы еврейских там уголков каких-то, фольклорных каких-то или там праздников религиозных...

Т.Ч. А Вам с того времени, как Вы приехали, здесь Вам случалось слышать здесь идиш?

Н.Г. Еврейский язык?

Т.Ч. Да.

Н.Г. Конечно. Ну, говорили. Во-первых, старожилы говорили. И вот мои коллеги-учителя знали идиш все.

Т.Ч. Открыто говорили или немножко стеснялись?

Н.Г. Нет, открыто.

Т.Ч. Открыто совершенно. То есть еврейская речь звучала?

Н.Г. Звучала. Но вот в разговоре таком, между собой.

Т.Ч. Межу словами, да. И между собой, и между словами.

Н.Г. Да.

Т.Ч. Были ли среди Ваших учеников дети, которые знали идиш?

Н.Г. Были.

Т.Ч. Много?

Н.Г. Где-то, может, процентов 50-60. Примерно так, грубо говоря, знали.

Т.Ч. О. много!

Н.Г. Много.

Т.Ч. Много. А как у них складывались отношения с... Вот из Вашей учительской практики. Были ли какие-то конфликты, связанные с национальностью?

Н.Г. Ну, знаете, по-моему, не было такого. Я не помню. Ну вот я Вам говорил, что вот были. Был у меня вот такой случай, я уже был директором школы. Рудницкий был хороший парень, хотел поступить в военное училище в 70-ые годы. Ну, там, видимо, действовали, я не знаю, позорные проявления каких-то чиновников. Ну, у него были препятствия, что нельзя в это училище. Вот.

Т.Ч. И он так и не поступил?

Н.Г. Нет, он ... Мы, я ему посоветовал пойти на ар... Поменяли ему. Написали украинец.

Т.Ч. Это можно было делать?

Н.Г. Можно было. Я не знаю, как это было.

Т.Ч. Но у него не смешанный брак?

Н.Г. Э-э-э... Рудницкие – это евреи.

Т.Ч. То есть и мама, и?..

Н.Г. И отец, да. Рудницкий воевал на фронте, был ранен под Вязьмой или нет, под Великими Луками. Кавалер ордена Славы. Ну, как-то сделали. Я знаю, что он потом приезжает ко мне и говорит: «Поздравьте меня, я уже все, поступил». Но это единственный случай, который я знаю.

Т.Ч. Скажите, пожалуйста, а вот в Вашу бытность, когда вы приехали. Никогда никаким

образом не проскальзывало, вот помимо того. Что Вы рассказали, о местных полициях, которые участвовали в погромах? Вот кроме тех.

Н.Г. Ну, это я рассказывал о погроме, который был в Смоленской области.

Т.Ч. Нет-нет-нет. Вот Вы рассказывали, здесь были люди. Которые не хотели Вам рассказывать...

Н.Г. А, ну кто его знает. Слухи ходили разные.

Т.Ч. Но вот официально здесь никого не судили, никто не отсидел?

Н.Г. Ну, вот я такую фамилию встречал: Хорошун. Якобы он был старостой. Якобы он был старостой.

Т.Ч. здесь?

Н.Г. Здесь в годы войны и сотрудничал с немцами вроде бы. Но знаете. Значит, поймать за руку и найти документально я ничего...

Т.Ч. То есть это на уровне того, что рассказывали, говорили. Его Вы не знали и никогда не видели?

Н.Г. Нет.

Т.Ч. Семья его здесь не жила после войны?

Н.Г. Нет.

Т.Ч. То есть Вы уже...

Н.Г. Я... у меня уже ухо было как у собаки, такой, знаете, охотничьей. Хорошо. Хорошо. Хорошо.

Т.Ч. Скажите. Пожалуйста, Вам приходилось вообще в жизни здесь или где-то в другом месте видеть еврейскую свадьбу?

Н.Г. По таким вот классическим обрядам нет. По современному обряду.

Т.Ч. А смешанных браков, их было много после войны?

Н.Г. Да. Вот, например, моя двоюродная сестра Федорова замужем за Дубровским, сыном еврея.

Т.Ч. Это послевоенный брак?

Н.Г. Да. Он 36 года рождения.

Т.Ч. А, то есть Ваши родственники?

Н.Г. Да. Родственники.

Т.Ч. А как относились родственники?

Н.Г. Да нормально. Великолепно.

Т.Ч. То есть абсолютно не...

Н.Г. Вы знаете, у меня здесь столько родственников. Потому, что кругом смешанные браки.

Т.Ч. Скажите. Пожалуйста, а вот интернированные немцы тогда вот, они потом сюда возвращались после войны?

Н.Г. Нет, вот очень мало. Очень мало возвращались сюда.

Т.Ч. А почему? Не запрещали?

Н.Г. Нет. 55-56 года для них были открыты возможности возвращаться.

Т.Ч. Вернуться сюда?

Н.Г. Да.

То есть в свои же родные дома?

Н.Г. Да. Во-первых, вот из того места, ну там я работал, там было немного этих таких. Они куда-то, разговаривали: «не поедем, поедем в какие-то еще дальние края». А так несколько семей вернулось, были здесь немцы, но немного, совершенно немного. Может

быть, 5-6 семей.

Т.Ч. Они держались кочно или они смешивались?

Н.Г. Да нет.

Т.Ч. А там смешанные браки были?

Н.Г. Были.

Т.Ч. За немцев выходили замуж?

Н.Г. Да-да-да. Ну, вот у нас сейчас есть Григорий Михайлович, он директор школы климовской (Ротендорфский был). У него жена – немка.

Т.Ч. Вот из этих немцев, да?

Н.Г. Да. Она сейчас, потом она поехала в Германию, там у них проблемы с браком, но это их личное дело. Она в Германии сейчас, он здесь. Ну так, поддерживают отношения. Там много браков смешанных.

Т.Ч. То есть смешанные браки были?

Н.Г. Были разные: и русско-немецкие, и еврейско-русские.

Т.Ч. Украинцев у Вас на этой территории было много или больше вот по составу?

Н.Г. У меня, я боюсь, так сказать, быть неточным. Специально у меня такие данные были вот в 60-ых годах. У нас 25 национальностей живет.

Т.Ч. 60-ые годы?

Н.Г. Да. Кого только тут не было. Ну, где-то так все-таки основная масса русские, потом на втором месте были украинцы, потом были белорусы и евреи примерно равные позиции были. Ну а потом уже остальные: поляки, болгары и т.д. и т.п.

Т.Ч. Николай Александрович, а вот среди русских, которые сюда приехали после войны, был так вот такая вот часть населения русских, которая приехала сюда после войны, до войны здесь не жили?

Н.Г. Тогда и основная масса сюда приехала после войны.

Т.Ч. Знаете ли Вы, откуда они приехали и что это были за люди?

Н.Г. Знаете, тогда политика была переселения. Вот Северный Крым, несколько потоков было. Первый такой поток был стихийный, это сразу после освобождения Крыма в 44 году сюда.

Т.Ч. И кто ехал?

Н.Г. Сюда вернулись. Во-первых, те, кого война выгнала из этих мест. Не только депортированные.

Т.Ч. Но и местные, да?

Н.Г. Да-да, и местные. В 50-ые годы был такой вот уже организованный, такая уже проводилась компания. Это были, в основном. Белоруссия (Могилевская, Гомельская область), Смоленская область Российской Федерации, Брянск. То есть вот эти области сюда в 50-ые годы. 56, 58 года - это Западная Украина сюда приехала.

Т.Ч. Это не те ли, которых?...

Н.Г. Нет нет-нет. Просто приезжали хозяйство просто уже там агитация действовала и льготы были для переселенцев, там налоги были меньше. Потом была большая волна переселения из Горковской области (Вологодской области). Вот. Ну и так далее. Поэтому здесь вот и сейчас вот живут люди из разных-разных областей Украины и России.

Т.Ч. Вот есть такая версия, есть такие данные, правда, они документально... Я не видела их документального подтверждения, но слышала от очень многих людей. Где-то в 50-ые годы была большая волна переселенцев. Семьи, мужчины в этих семьях отработали определенное время в Гулаге. Именно отработали. То есть это не Гулаг, который сидел, а

это часть Гулага обслуги. И вот они в качестве поощрения им давали разрешение переселяться в Крым. Вы об этом что-нибудь знаете?

Н.Г. Нет. Я этого не знаю. Но я знаю несколько человек, которые были вот в местах не столь отдаленных, значит, привлечены назад. Значит, то ли в сотрудничестве с немцами, там я не знаю. Были такие несколько человек.

Т.Ч. Это те, которые отсидели?

Н.Г. Отсидели. Несколько человек этих я знаю. Но они вернулись сюда.

Т.Ч. Крым никогда не был закрытой территорией в этом смысле? То есть сюда можно было переехать?

Н.Г. Ну, насколько я знаю, вот Крым с 50-ых годов не был закрыт. Во всяком случае, Северный Крым. Ну, Севастополь был город закрытый.

Т.Ч. Да.

Н.Г. Там особый статус.

Т.Ч. Да-да. Скажите. Пожалуйста. Что изменилось вот в Вашей этнографии? Может быть, в отношениях между людьми с момента возвращения немцев?

Н.Г. Ну, вопрос непростой. Во-первых, так, ну, если говорить о нашей местности, наверное. Я не буду делать обобщений, я не социолог.

Т.Ч. А я спрашиваю именно об этой местности.

Н.Г. Ну, Вы знаете, Вам скажу, что значит вот, например, я знаю точно. В «Дружбу народов», поскольку я два года делал многотиражную газету там. Вообще я 38 лет делал разные газеты параллельно с основной работой. Многотиражки в основном. Я знаю, что вот крымские татары привнесли, например, как раз именно такую вот предприимчивость, как мы называем. Знаете, вот они приехали из других, из Средней Азии приехали, там, значит, колхозы были, допустим, не столь развитые. Для них вот, я знаю, «Дружба народов», там Киселев есть, известный такой политический деятель, он был и представителем Президента, и возглавлял наш крымский Парламент. И был вице-премьером. В общем, занимал... И сейчас он депутат верховного Совета. Вот я у них, так сказать, работал 2 года и был на всех правлениях. Я помню, что он публично выражал такое недовольство, что надо работать больше не на огороде у себя, а в колхозе.

Т.Ч. Это какие годы?

Н.Г. А это были уже 90-ые годы: 94, 95, 96 года вот это были. Что касается, допустим, «России», вот колхоза «Россия», я был председателем сельского совета 10 лет и поэтому все проблемы депортации или возвращения, вернее, возвращения. Прошли через сельсовет. Значит, сюда приехали крымские татары, приезжали.

Т.Ч. Как раз в Вашу бытность?

Н.Г. Да, когда я был председателем. Я был председателем с 79-го по 90-ый год.

Т.Ч. О, много! А срок переизбрания?

Н.Г. Да, я там вышел в тираж уже.

Т.Ч. То есть несколько раз Вас переизбирали?

Н.Г. Да-да-да.

Т.Ч. Как это почетно.

Н.Г. Почетно, да. Так что, ну крымские татары приезжали, у нас формально были, значит, все основания отказывать, потому, что здесь не было на территории сельсовета ни одного крымского села, то есть татарского.

Т.Ч. Это не те люди, которые возвращались на свои земли?

Н.Г. Нет-нет-нет. Они просто, колхоз был привлекательный, зажиточный, поэтому они

очень много... Ну, препятствий, это не секрет, это если бы я сказал поименно, это была бы неправда. Был, конечно, такой негласный закон, по которому крымских татар под разными предложениями не прописывали. Не пописывали.

Т.Ч. Какие годы?

Н.Г. Это 80-ые годы до 90-ых годов приблизительно.

Т.Ч. то есть он у них был письменный. Это инструкция была устной.

Н.Г. Да-да-да. Под разными предложениями. Это, конечно, было нечестно, и все мы знали. Они глядели мне в глаза и я им глядел. И я: «Все понимаю, ребята». Поэтому постепенно вот Владимир Иванович Криворотов, председатель колхоза, мы параллельно работали, он - колхоз, я – сельсовет, мы все-таки очень много приняли на работу, потому что у нас была перспектива большая развития маленьких наших сел. Не хватало рабочей силы, и людей, конечно же, брали. И так крымские татары активно включились в работу села, работали замечательно, никаких проблем не было и нету их сейчас практически. Но среди самих крымских татар есть разные тоже там прослойки, прошарки на украинській мові. Значит, первое, люди стали как предприимчивее, торговля на первом месте таи и так далее. Он, между прочим, раньше, чем славяне, ориентируются в этой обстановке и многие из них сейчас занимаются торговлей и так далее. А вообще среди крымских татар есть разные ребята. Вот недавно Юра у нас умер – хороший крымский татарин. Парень он не мог выдержать этого, он советский был по натуре. Так что крымские татары, я ребят учу крымско-татарских, нормально, никаких проблем нет. Все эти игры вокруг коренного народа и так далее, самозахватов – это дела политиков.

Т.Ч. У Вас этого не было?

Н.Г. Не было. Все они получили землю.

Т.Ч. Это как-то изменило отношения между людьми, как-то повлияло? То ли обострило, то ли наоборот?

Н.Г. Да нет. Я бы сказал, что у нас никогда таких проблем межнациональных не существовало и, наверное, не будет. По крайней мере, я говорю, что учу детей крымско-татарской национальности очень много.

Т.Ч. На русском?

Н.Г. На русском, естественно.

Т.Ч. А татарский язык введен в какие-то классы?

Н.Г. Да, есть. Но беда в том, что не хватает учителей крымско-татарского языка. И не идут туда работать крымские татары.

Т.Ч. Почему?

Н.Г. Позор. А там мало платят. Мало платят! И вот у нас сейчас школа большая...

Т.Ч. То есть энтузиастов нет?

Н.Г. Нет. Вот Шизи Аризаровна была Османова. Хорошая, я помог ей вечер там провести один, посвященный Гаспринскому вот. Давайте, говорю, сделаем уголок о крымских татарах. Нет, она сейчас занимается торговлей. Так что проблем с обучением крымско-татарских детей нет, пожалуйста.

Т.Ч. То ест они влились нормально, естественным образом влились в...

Н.Г. Хорошие ребята. Я уважаю многих.

Т.Ч. У Вас построили мечеть?

Н.Г. Мечеть? В селе нет у нас мечети.

Т.Ч. А где есть?

Н.Г. В районе есть. В районе у нас в Октябрьском мечеть есть.

Т.Ч. И они ездят туда. Да?

Н.Г. Ну, я Вам скажу, отношение к исламу у молодежи так же, как и у славян весьма прохладное.

Т.Ч. Угу.

Н.Г. Вот где-то мулла вроде есть, обряд проводит такой какой-то негласный, я не знаю.

Т.Ч. А Вот в Симферополе есть мадриссия?

Н.Г. Есть. Ну, у нас есть в районе крымско-татарская школа. В Октябрьском, вот Бию – Конлар старое название, там есть 3-я школа средняя школа на крымско-татарском языке обучение ведется. Но там не хватает специалистов тоже.

Т.Ч. А дети туда идут?

Н.Г. Идут. Там много детей. Много детей. Но там тоже проблема с учителями.

Т.Ч. Там есть изучение Корана или нет?

Н.Г. По программе, значит вот, поскольку я знаю программу школьную в нашей школе, где дети изучают крымско-татарский язык, там Корана у них нету. Они в основном занимаются языком и литературой.

Т.Ч. И воскресной такой школы нет, да?

Н.Г. Воскресные школы – это попытки сейчас инициировать особенно православная церковь. Мало там желающих. Мне кажется, поезд ушел.

Т.Ч. То есть у Вас это неактуально?

Н.Г. Нет, мне кажется, это поезд ушел давным-давно. Я не думаю, что будут возрождаться церковно-приходские школы.

Т.Ч. А евреев сейчас много?

Н.Г. Вот, когда мне Женя такую тут вот задачу задавала, я две ночи не спал, я не знаю, чем она будет со мной расплачиваться еще (смеется).

Т.Ч. ... (слишком неразборчиво, нельзя понять запись)... к Анатолию Подольскому в центр приедете, мы там Вам устроим сексуальную конференцию.

Н.Г. Давайте! Так вот, значит, я хочу сказать, что осталось очень и очень мало. Мало. В с. Знаменке живет вот сейчас Йоффе Ефим (бывший колхозный шофер) в селе Чапаево работал. Главным агрономом уже не в колхозе, там что-то осталось от колхоза, там акционерное какое-то закрытое-полуоткрытое, черт его знает, как называется, общество Саша Суперфин, мой ученик. Вот там есть на снимке, он такой полный, солидный. Умный очень человек, замечательный. Сыновья его уехали в Израиль, вот. Но сам он здесь пока живет. В селе Восход вот Драгилев Леня живет, мой ученик бывший.

Т.Ч. Вот сын того самого?..

Н.Г. Да, Григория Марковича Драгилева, который был, кстати, некоторое время и председателем даже этого еврейского колхоза. Потом был дендрологом был нашего хозяйства. В школу он приходил, мы с ним были в очень-очень близких отношениях, поскольку оп соседству жили, детей всех знаю. Марк в Израиле, Нина в Израиле, кто там еще у них... Тоже в Израиле все ребята.

Т.Ч. и теперь еврейской речи здесь не слышно?

Н.Г. Нет.

Т.Ч. Давно?

Н.Г. Только по радио.

Т.Ч. Только по радио?

Н.Г. Да. Нет, конечно.

Т.Ч. Нет. А скажите, пожалуйста, вот Вы говорили, что Вам приходилось иметь дело с

прессой и сами Вы ее как бы создавали, да?

Н.Г. Ну, как журналист, как журналист – да. У нас выходила газета 68 – го года. У меня есть все подшивки газет с 1968 до 2006 года. Все подшивки газет.

Т.Ч. Ух ты! Как здорово. А вот среди этих газет 68-го года здесь хоть какая-то еврейская газета была? Или кроме «Советиш Геймланд» не было ничего?

Н.Г. Нет, не было ничего. Вот только вот эта «Шалом».

Т.Ч. А до войны своя газета была?

Н.Г. В районе нашем выходила газета на двух языках: на немецком и русском. Это был немецкий район.

Т.Ч. Районная газета, да?

Н.Г. Да. А так вообще если заметок поискать, то, конечно, можно найти немало.

Т.Ч. Ага. Так что сейчас.. А вот основной состав сейчас?

Н.Г. Это населения?

Т.Ч. Да. Это русские, украинцы и татары?

Н.Г. Сейчас настолько все смешалось. Ну, много выехало людей после разгрома, иначе не назовешь, колхоза «Россия». Люди обнищали. Идет вымирание сел. Идемте, покажу снимки. Сейчас в Харькове у меня лежит книжка одна в издательстве «Григ» о гибели агропромышленного комплекса. Никто денег не дает на это, потому, что это звучит неактуально для тех, кто у власти. Там я снимки сделал, по-моему, у меня есть. Я покажу, что осталось. Проблемы страшные, села вымирают.

Т.Ч. Ну что значит «вымирают»? Все уезжают?

Н.Г. Нет.

Т.Ч. А как?

Н.Г. Просто физически вымирают. Ну. Уезжают само собой. Ну, пожалуйста, рождаемость...

Т.Ч. А, в этом смысле, да.

Н.Г. Вот если говорить, вот цифра конкретная. В годы, когда... в 80-ые годы рождалось приблизительно 170-180 детей в год, умирало 75-80 человек. Сейчас наоборот. Рождается 70-80, умирают 180 человек.

Т.Ч. Где-то чуть ли не 1/3.

Н.Г. Да. Школьников у нас в школе было 1800-около 2000. Сейчас 570 осталось

Т.Ч. Вот среди теперешних этих 570-ти еврейские дети есть?

Н.Г. Очень-очень мало.

Т.Ч. Но все-таки есть, да?

Н.Г. Да. Есть несколько человек. Ну вот, к примеру, у меня внук Татьяны Григорьевны Ивреиновой Артем учится в шестом классе. Мне...шестые классы, я учу внучку свою там. Вот. Хочу ее, немножко мозгов ей...

Т.Ч. Вы и по-прежнему преподаете в школе?

Н.Г. По-прежнему преподаю. Первое: преподаю, ну, что дают, во-первых. Ну, что дают. Много коллег, значит, у нас четыре историка. Я преподаю давным-давно уже историю. Но я язык ... у меня нет часов.

Т.Ч. Кроме того, что русской литературы как таковой... Кстати, школа у Вас русская или украинская?

Н.Г. Русская. У нас много филологов, хорошие филологи. Ну чего мне лезть, пускай девочки зарабатывают деньги. Это раз. А потом вот я несколько лет, вот до прошлого года, вел курс «Мировая художественная культура». То есть я ребятам даю слушать

музыку. Значит, они там знакомятся с творчеством эпохи Возрождения и оперной...

Т.Ч. То есть Вы им даете немножечко классического образования?

Н.Г. Да, классического образования. Оно идет., оно... Вот был министром Борисов (сейчас там другой министр), доказывал, программу разработал такую эстетического воспитания для детей. Никто не хочет этого. Вот такая вот, такі справи...

Т.Ч. И много у Вас часов в школе сейчас?

Н.Г. Годин, Ви маєте на увазі?

Т.Ч. Да.

Н.Г. У мене годин дванадцять годин на рік. На наступний рік.

Т.Ч. І якою мовою викладаєте?

Н.Г. Ну. Взагалі я закінчив Донецький педінститут, викладав історію навіть на українській мові, а зараз викладаю на російській мові. Є... перекладаю зараз. Я ж Вам казав, отут є переклади. Микола Вінграновський, Борис Олійник, Невінчана. Івана Грача зараз переклав „Крила”. Ну, надо знать, потому, что я вот оказался в этом году, я Вам скажу в больнице, скажем так. Поехал в Миргород и там вот меня прихватило немножко. Я там с удовольствием общался, потому, что там настоящий украинский язык. Настоящий украинский язык.

Т.Ч. Польшавский.

Н.Г. Там галюшки(смеются). Там практически русский язык не слышен. З задоволенням, будь ласка.

Т.Ч. А вот мы здесь у Вас сейчас, когда ехали к Вам, услышали, что называется щирою природньою українською мовою. Это редкость или это?..

Н.Г. Нет, не редкость. Вы знаете. Вот что интересно. Вот этот Молох или как назвать его? Каучук, может быть, можно сказать, я не знаю. Может быть, ну, скажем, лояльнее... Вот это дальновидная политика в области образования привела к тому, что украинский язык уже многие знают хорошо. Понимаете? Вот с первого класса практически, да. И они знают язык. Вот, например, моя внучка - ну коренная русачка такая же, что, Господи, уж так аж! Но знает мову хорошо, нормально. Все знает.

Т.Ч. То есть проблемы языка у Вас нет?

Н.Г. Нет, нет. А жена моя, украинка, не знает ничего абсолютно. Херсонская называется. У нас такие межнациональные распри с ней.

Т.Ч. Да? То есть вот куда, оказывается, надо ехать, чтобы учиться тому, что проблемы языка у нас нету.

Н.Г. Я же говорю, русак настоящий, я смоленский. Господи, такой рожок смоленский.

Т.Ч. А у Вас слух музыкальный, украинский у Вас хороший.

Н.Г. Ну, думаю, не очень хороший. Ну, так есть так, но прислушаться можно. Ну. во всяком случае, читать, допустим, Тараса или там Винграновского на российской мове - это же...

Т.Ч. Уже не то.

Н.Г. Не то. Конечно.

Т.Ч. Ну что же, огромное Вам спасибо, я бы хотела Вас спросить еще кое-что, но до этого. Может, у Женечки будут вопросы, которые созрели.

Н.Г. Давайте, Женечка. Давайте, Женя, ваші питання.

Т.Ч. Потому что я так плотно слила...

Ж.К. Да нет. У меня пока вопросов не возникло.

Т.Ч. Если да возникнут...

Ж.К...я обязательно задам.

Т.Ч. Тогда у меня такой вопрос.

Н.Г. А напоследок я скажу, да?

Т.Ч. Да. Вот совершенно верно. Как Выам кажется, вот какая проблема была в Вашей жизни, вот такой разнообразной, да? Вот о которой Вы могли бы сказать, что она для Вас до сих пор не разрешена и она Вас тяготит. Есть такая проблема?

Н.Г. Есть. Есть такая проблема. Я просто себя не смог реализовать.

Т.Ч. Вот занимаясь столь разнообразной деятельностью?

Н.Г. Да, да. Я просто, понимаете, не мог многие вещи сделать. Мои коллеги, у которых, может быть, меньше было и там каких-то возможностей и так далее, они это сделали. Дело не в карьере, просто, может, не успел написать что-то, не успел вообще сделать что-то по-настоящему. Но что поделаешь? А так в целом я очень динамичный человек такой, решительный и я все любые негаразди я их не боюсь, понимаете?

Т.Ч. Хорошо, тогда я спрошу иначе. Если бы сейчас начинать все с начала, какую стезю Вы бы выбрали? Вот, с точки зрения Вашего опыта сейчас.

Н.Г. Ой-ой, ну, гадский вопрос такой Вы задаете. Ну, смотрите, это газета «Шалом», да? Найдем... Вот называется «Исход. Эпизод первый. О жизни еврейских местечек». Вот оно. Готовчиков.

Т.Ч. Какие местечки имелись в виду?

Н.Г. Вот я тут даю анализ Илье Гордону в романе «Под жарким солнцем». Здесь как раз...

Т.Ч. Ага. Это Ваша рецензия на его книгу.

Н.Г. Вот это Курман вот. В 25 году комитетом по земельному устройству было выделено 8 тысяч 140 гектаров.. до Немировка и тогда вот тут здесь оно. Приобрели столько-то коров, тут все это есть. Тут несколько глав у меня было и потом Гейндин...Я ленивый всегда писать, он взял мне арза два повторил это снова все сначала.

Т.Ч. А у Вас есть продолжение?

Н.Г. Да. Только я не знаю, где это надо.

Т.Ч. Где печатать?

Н.Г. Ну а здесь я вот сейчас я сейчас сниму, там привязался. А вот Татьяна Григорьевна Иврейнова «Наш след на земле», есть материал о еврейских делах тоже вот она хорошо знает эту тему.

Т.Ч. Она жива?

Н.Г. да.

Т.Ч. с ней можно говорить?

Н.Г. Да. Говорите с ней. Она, значит, такой вот совет дам. Она такая женщина самомнительная, Вы поддерживайте ее, все ее вопросы. А в целом она замечательный человек, она в 39-ом году была директором школы в 39-ом году.

Т.Ч. Вот.

Н.Г.Вот. Потом, она всю жизнь здесь знает прекрасно. У нее теплые связи со всеми организациями, у нее в доме... был теплый дом, всегда собирались там.

Т.Ч. Да? Вот так! То есть это уже в последние годы? И скажите, пожалуйста, их кК-то...

Н.Г. Вот, пожалуйста, еврейские колхозы, вот заметочка, я вижу.

Т.Ч. Ну, это все газета «Шалом»?

Н.Г.Да. Все там есть, можно найти.

Т.Ч. Все-все. Надо сохранять. Хотя рукописи не горят, но тем не менее.

Н.Г. Да сейчас у меня в голове хаос, потому. Что столько лежит архивов. А вот «Жезло

Моисея», «Летопись Агро-Джойнта». Вот мой материал есть.

Т.Ч. Ага! Тут как-то просматриваются эти места?

Н.Г. Конечно. Агро-Джойнт помог...

Т.Ч. Да-да, конечно.

Н.Г. ... вот первый трактор здесь появился под линией Агро-Джойнта.

Т.Ч. Агро-Джойнта, да.

Н.Г. И даже когда разрушали, вот хороший мой приятель Борис Лерман, знаете такого?

Т.Ч. Я слышала только. Я его не знаю.

Н.Г. У меня было... я несколько рецензий писал на его сборник. Вот. Он умер в Израиле.

Т.Ч. Николай Александрович, я еще раз спрошу вот относительно этих вот статей. Они готовились по архивным материалам или ...

Н.Г. Конечно.

Т.Ч. ...или по устной истории, которую Вы немножко собирали?

Н.Г. В советское время настолько были очень жесткие требования, и это было хорошо.

Т.Ч. Да, это было хорошо.

Н.Г. Поэтому каждую строчку надо было подтверждать архивами. Вот я Вам сейчас просто для иллюстрации покажу. Вот смотрите: село Восход. Вот текущий архив Восходненского сельсовета. Справочная книга детского... там же, страничка такая-то. В каждой вот все подтверждено. Гринштейн, вот еврейские земледельцы-переселенцы и так дальше. Дальше. Список населенных пунктов и так дальше. Все, гляньте. Вот сколько текста, столько подтверждений.

Т.Ч. Угу.

Н.Г. Опись...

Т.Ч. Я хочу Вас порадовать, что мы от современных студентов, а я преподаватель в вузе, достаточно серьезно. Так вот мы от своих студентов требуем и сейчас того же самого. Так что это как раз живо, это осталось.

Н.Г. Правильно! Это необходимо, потому что если...

Т.Ч. А иначе это не наука.

Н.Г. Не наука. Вы кандидат наук?

Т.Ч. Да. Я преподаю в Киево-Могилянской академии.

Н.Г. На украинской мове?

Т.Ч. Естественно. И все-таки я хочу вернуться к своему вопросу, который Вы так артистически, артистически...

Н.Г. Что, не получилось?

Т.Ч. Нет. Непросто, чтобы получилось. А так, чтобы была возможность и позитив рассказать. Вот если бы сейчас все сначала, что бы Вы сделали не так?

Н.Г. Наверное, это риторический вопрос. Кто его знает? Наверное, я все-таки таким остался бы. Потому что я все время был в оппозиции. И в то время по многим проблемам. В институте мне не нравились многие преподаватели из-за их ограниченности. Не нравились мне порядки на шахте из-за того, что там тоже были многие проблемы. Не нравились мне порядки и в... допустим, райком. Ну, много там чего было, Господи, что не нравилось. Поэтому я сейчас Вам, чтобы имели представление о моих взглядах, я сейчас Вам прочитаю отдельные кусочки. У нас... Так, вот сейчас такое дело. Называется вот такой... «Кубло» называется микропоэма. Кусочек прочитаю.

Т.Ч. это последний сборничек?

Н.Г. Да, вот в этом году вышел.
(*читает*)

На Украине партий нет - многопартийный свист.
И в Удовенко партбилет, и Кучма коммунист.
Их цель практически одна: корона, драгметалл.
Вот и кучкуется шпана, многопартийный свал.
Но власть и деньги из химер – могила для души.
Тому разительный пример маразм Туркмен-баши.
И наш сравнить провинциальный Крым, подобие столиц
В верхах, хотим иль не хотим – набор убогих лиц.
То из Москвы хмельной варяг, из нянечек министр,
Не признанный народом бард, лихой парашютист.
Очаровательный подбор чудовищных лик.
Но крошник, хам, в законе вор, Иуда-теневики.
А сколько источали слов, народ внимал им: ах!
Мешков в Москве...

И так дальше. А вот этот тоже вот. Из письма в Верховную Раду как бы пишут депутатам.
(*Читает*)

Дорогие Вы наши избранники!
Т.Ч. Почти письмо турецкому султану!
Н.А. Это Вам избиратели пишут.
Как Вас приютила столица?
Как жилплощади, есть ли охранники?
Чем питаетесь, наши кормильцы?
Вы там будьте настырней, раскованней!
Мы ж за Вас, ничего что провинция.
Старожилов там много, не ровня Вам.
Узнаем их родимые лица.
Кравчуковская пика Иуды-
Поглядишь и становится гидко.
Плющ Иван- толстомясяя груди.
Удовенко, Пензеник, Тыгибко.
Хорошо Вам жилось до апреля,
Каждый вечер концерты и встречи.
Нас тогда ублажали, жалели,
Не забыв ни больных, ни увечных.
Привозили мешками и в ящиках.
За столом ублажали спитчами.
Господа из мажоритарщиков,
Господа, что проходят списочно.
Тут у нас в деревне в Безводье
После выборов сняли насосы.
Ничего, терпелив наш народец.
Нет проблем, отпадают вопросы.
Повышать нам не надо пенсии,

Хватит. Цены к тому же занижены.
В секунд-хенде за трешку оденешься,
Даже хаты стесняешься, хижины.
Ну а тем извращенцам-гурманам
Разносолов и рыбки любителям
Сапку в руку, на дачу к Осману.
Или с удочкой к речке: ловите.
А еще передайте гаранту, что... (*запнулся*)
Паев никаких нам не надо.
Пусть скупает Россия, Канада.
Хватит той за могильной оградой.

Т.Ч.Да...

Н.Г. И еще вот, пожалуйста. Такое дело.
(*Читает*)

Махал мечом картонным грач,
Все шло накатано и споро.
Указ гаранта, как палач,
Срубил крестьян под самый корень.
Хоть на село пришла беда,
Куницин, наш премьер,
Был служебным ражей.
Грозил: «Смотрите. Господа,
Чтоб не запахло саботажем!»
Смиранным был и Киселев,
Твердил реформы до зарезу.
А был богат подобно Крезу,
Встречал премьеров и послов.
Тут Кучма был и восхвалял
И дружбу, и порядок прежний.
И Киселева целовал в засос,
Как Фонкра прежде.
Порой взрывался Снегирев,
Беду крестьянскую пророча,
Но тяжких, нет, но жил он
Покорный рев гремел здесь Президента, Отче.
А к слову о знаменитой дружбе,
Долги и с каждым годом хуже.
Воскликнул бы, а жив Егудин
    Что это, Господи, еси?
Главу Василия на блюде
Ирадиада, принеси.
Пустить колхозы под откос
По президентскому указу.
Ни Симоненко, ни Мороз
И сметь не крикнули ни разу.
А надо бы собрать народ

Чтоб село не рушить без оглядки.
Вот коль петух ... клюет,
То вмиг мятежные палатки.
А пока на солидных конференциях
Разговоры о сульвенциях.
Заедая водку пиццею,
Разговор об инвестициях.
Спитчи славные на рауте,
Ну а Крым давно в нокауте.

Т.Ч. Да... И...

Н.Г. Вот это позиция.

Т.Ч. Да. И теперь я понимаю, почему Вы говорите, что если бы все сначала, то было бы именно так. Значит, все было правильно?

Н.Г. Правильно.

Е.К. А у меня назрел вопрос, можно?

Н.Г. А вот мне вообще очень интересно тема смешанных браков. Вы говорили о том. Что смешанных браков очень много. Вот и в связи с этим у меня такой вопрос. А дети от смешанных браков, они перенимают культурные традиции родителей? Вот например, если один из родителей был евреем? Дети, они перенимают язык, религию?

Н.Г. Ну, обобщение сделать я не могу. Я просто могу сослаться на какие-то отдельные примеры.

Е.К. Да.

Н.Г. Да? Ну, пожалуйста, Суперфин. Вот семья Суперфин, Саша. Я знаю отца покойного, к сожалению. Суперфины здесь коренные такие, жители села Ротендорф. Дедушку знал его, отца знал. Замечательный был гидротехник колхоза Россия. Саша женат на ... У него жена Ольга, вот там где-то есть документы ее. Она украинка. Вот дети и знают еврейский язык оба. Два сына. Они сейчас закончили, отлично учились, очень способные, да. Вот у них с традицией. Но там, как-то, знаете, гармонично. Украинские традиции есть, ну там песни, не знаю, поют они там украинские песни, и язык знают. Так что... Ну таких примеров можно привести. А есть где и процесс обрусения, что ли, сказать, есть такой. Есть такая, равнодушная.

Т.Ч. Это непросто для национализации.

Н.Г. Кто его знает. Кто его знает. Ну, вот например, моя сестра двоюродная, моя покойная Вера. Она замужем была за Александром. Его по-русски звали Саша, Самуил. Погодок мой. Тоже умер, к сожалению, такая вот незадача. У них дети, один сын знает еврейский язык идиш, а второй не знает. Балбес такой, не хотел...

Т.Ч. и Е.К. Да, он сам не хотел?

Н.Г. Он сам не хотел, да.

Т.Ч. А знает от кого, от бабушки с бабушкой?

Н.Г. Да нет, от отца. Так что примеров таких много можно привести, не только, допустим, по поводу еврейских и славянских семей. Есть и другие разные. (Пауза) По-разному. В общем, я так думаю, что вообще, конечно, это очень хорошо, когда в семьях сохраняется вот эта национальная ...

(конец кассеты)

PAGE

PAGE 28